

Статьи

Л. Г. Панин,
доктор филологических наук,
профессор Новосибирского государственного университета

О составе чтений и языке Друцкого Евангелия (XIV в.)

В Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН хранится уникальная пергаменная рукопись XIV века — Друцкое Евангелие. Эта рукопись представляет собою полный апракос¹: в первой своей части она содержит чтения на праздники подвижного церковного года (начиная с чтения Пасхальной недели и заканчивая чтением на вечерне Великой Субботы, лл. 1в — 158а), далее следует вторая часть (месяцеслов), содержащая чтения на праздники неподвижного церковного года (лл. 158а — 183а) и завершают рукопись перечисление «евангелий на потребу» (собственно, отсылки к евангельским чтениям, представленным в синаксарной части Друцкого Евангелия, лл. 183г — 183а) и 11 «воскресных евангелий» (лл. 183а — 188б).

В научной традиции Друцкое Евангелие обычно датируется XIV веком. Однако в «Сводном каталоге славяно-русских рукописей» дата написания рукописи пересмотрена: 1400—1401 (1401—1402?) г. Авторами описания рукописи в этом каталоге указаны В. Н. Алексеев и А. А. Турилов, правда, насколько мне известно, В. Н. Алексеев к этой датировке не имеет отношения. Но к датировке я вернусь чуть позже, а пока о названии рукописи.

---

¹ О типах Евангелия в рукописной традиции славян см.: *Жуковская Л. П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // *Памятники древнерусской письменности.* — М., 1968; *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. — М., 1976; *Пентковский А. М.* Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // *Евангелие от Иоанна в славянской традиции.* — СПб., 1998.

Рукопись названа Друцким Евангелием по месту хранения ее протографа. Дело в том, что данный список содержит вкладную запись 1001 г., перешедшую, скорее всего, из протографа.

Эта запись датируется ̅.̅.̅.̅ 6509 (= 1001 !) годом, которая, как полагает академик Н.Н.Покровский, была переписана одним из писцов Друцкого Евангелия с протографа рукописи¹. Вот эта запись.:

|188в| Вх лѣт̅ ̅.̅.̅.̅ створена̅ ѿ бы цр̅ки сн̅а ст̅ага б̅ца. въ градѣ во̅ дрютъщѣ. а служити в̅ нем̅ все̅дн̅ная служ̅ба. б̅н̅к̅ю мл̅тъю и к̅го пр̅чтыа м̅тр̅е. и рабом̅х̅ б̅н̅м̅х̅ кн̅аг̅а зем̅ь в̅асильк̅ем̅ь мн̅х̅ан̅|ло-вн̅ч̅ем̅ь. и к̅го кн̅аг̅и|н̅ю в̅асил̅со̅ю. а положи|ах̅ к̅ем̅ь с̅х̅ сво̅ю ж̅е-но̅ю| в̅ж̅т̅в̅е̅̅ к̅оуан̅г̅л̅н̅к̅. и око|ваах̅. да даах̅ к̅ем̅ь ст̅ѣн̅| б̅ц̅ѣ с̅ело морав̅ьнн̅чн̅. и| с̅х̅ люд̅ьм̅и и со вс̅ѣм̅и по|шл̅ннами. и с̅х̅ медовою да̅н̅н̅ю. и с̅х̅ с̅елн̅щн̅ и с̅ по̅ж̅ь|н̅ями. что не того с̅ела за|в̅ѣда̅ють. а что не то̅н да̅ни пошл̅нна шла к̅лючн̅н̅|к̅у. та пошл̅нна понама|рю. котор̅ын̅ служ̅ить оу| ст̅ѣн̅ б̅ц̅н̅. да даах̅ к̅ем̅ь| ст̅ѣн̅ б̅ц̅ѣ нех̅ сво̅его с̅ела| из̅ в̅дн̅нн̅ч̅ дв̅еатн̅н̅| и с̅х̅ ж̅ит̅а. а по мо̅к̅ем̅ь жи|вот̅ѣ не на-доб̅ѣ в̅зст̅уп̅ати с̅а ни мо̅н̅м̅ь д̅ѣт̅ем̅ь. ни мо̅н̅м̅ь т̅ив̅уно̅|м̅х̅. ни н̅но̅му̅ котор̅ому̅| на̅сл̅н̅н̅к̅у. а кто им̅еть| пон̅скы̅вати то̅т̅х̅ да̅тъ |188г| от̅х̅в̅ѣт̅х̅ пере̅д̅х̅ б̅м̅ь на| ст̅рашн̅ѣм̅ь с̅уд̅ѣ. а котор̅ын̅ ч̅л̅в̅к̅х̅ с̅идн̅|тъ на̅ поро̅т̅вн̅н̅ѣ з̅ем̅л̅н̅. то̅т̅х̅ да̅тъ .ѣ. п̅удов̅з| ме̅ду̅ про̅ск̅ур̅нн̅ц̅ѣ на̅ за̅оу̅покон̅н̅н̅ кан̅у̅ны. к̅з̅ ст̅ѣн̅ б̅ц̅ѣ. да даах̅ к̅ем̅ь на̅ па̅мя̅тъ л̅ук̅|но̅ я̅ким̅ово̅ на̅ х̅уд̅ав̅ѣ. пол̅у̅л̅у̅ко̅ны̅. а въ̅ бы̅| мо̅н̅ д̅ѣт̅и̅ т̅ѣм̅ь̅ ма̅ по̅|мина̅ли. а мо̅к̅ого̅ въ̅ к̅ст̅ѣ̅ сло̅ва̅ не̅ поч̅ин̅ли.

Язык этой записи (лексика, синтаксические конструкции, морфологические формы) и наличие характерных для древних вкладных записей формул не оставляет сомнения в том, что это весьма бережно перенесенная вкладная запись, бывшая в протографе начала XI в.. Запись эта выполнена отдельным писцом (см. ниже), начертания букв здесь наиболее архаичны: по всей видимости, писец вольно или невольно передал строгость устава записи в протографе. Как показывает анализ рукописи, эта запись была выполнена до того, как была завершена вся работа по переписыванию Евангельского текста.

Есть и вторая запись, в которой говорится о Друцком Евангелии как о вкладе, сделанном в Виленский храм в 6949 (= 1441) г.:

---

¹ Покровский Н.Н. Христианская традиция в российской и сибирской истории // Филологъ, № 2, 2001, с. 11.

[188г] Вх лѣтѣ .г.ѣ.ѣ. сотно .м.ѣ.ѣ. лобѣ .дѣ. ѿднѣ .д. мѣа. | марта .ѣ. днѣ. на памѣтѣ| прѣвнаго ѿца ншего, але|ксѣа члѣка бѣжа. прѣ велн-ком| кнѣзи казимирѣ королевѣчи прѣваг годѣ кнѣженѣа ѣ. Се ѿ рабѣ| бни кононѣ мѣстич веленѣскыи| положнѣ еѣ стѣе ѣуа|лѣе вѣ| стѣмѣ тридѣвноѣ| востѣрнѣ| хѣѣ. вѣ градѣ влннѣ. а што| бы то было не-подѣнжно. а|ще кто по нашѣ| жнѣотѣ н|мет ѣа оуѣтоу|патн оу|тѣе| ѣу|лѣе. нлн силннѣх| которѣ|. нлн поѣ. да разѣднѣт ѣа со мною прѣ| бѣгомѣ.

Именно первая запись объясняет то, что в научную традицию данный список, выполненный, как я считаю, в Новгороде, вошел под названием Друцкого Евангелия.

В уже упоминавшемся «Сводном каталоге славяно-русских рукописей» дата написания рукописи приводится как 1400—1401 г., на том якобы основании, что вкладная запись 1001 г. это на самом деле запись 1401 г. (с возможной заменой «500» на «900» в христианском летоисчислении: 6509 на месте 6909 г.): «Особенность написания даты, затрудняющая ее правильное прочтение (передача 900 посредством **ѣ**, а не **ѣа** или **ѣѣ**) объясняется смешением числового значения букв **ѣ** (9) и **ѣ** (500), имеющих в восточнославянских языках одинаковое звучание» (с. 331).

Между тем А. А. Турилову, автору этих слов, необходимо учесть следующее:

во-первых, язык и формулы вкладной записи свидетельствуют, что это, безусловно, древняя запись;

во-вторых, в числовом значении в данном случае употребляются обе одинаково звучащие буквы (**ѣ** [ферт] и **ѣ** [фита]), что при высоком лингвистическом исполнении (словарь, грамматика, композиция) записи явно не свидетельствует о неграмотности или рассеянности писца;

в-третьих, чрезвычайно важным (и очень древним, практически современным вкладной записи Друцкого Евангелия) свидетельством употребления буквы **ѣ** именно для обозначения числа 500 является запись из Новгородского кодекса XI в.¹

Кроме отмеченных двух записей, в рукописи есть еще записи на л. 1. Эта (лицевая) часть листа была чистой. Позже, но почерком, видимо,

¹ См.: Зализняк А. А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. — М., 2003, с. 190—212.

достаточно близким по времени к написанию Друцкого Евангелия, были сделаны записи поминовения¹.

Рукопись подвергалась поновлению. Были обрезаны верхние и нижние поля листов, из-за этого не везде на нижнем поле полностью прочитывается нумерация тетрадей, равным образом иногда верхняя строка листа может быть лишь восстановлена по нижним начертаниям букв (впрочем, последнее редко). Между листами 143 и 144 утрачен один лист. Лл. 139–145 составляли одну тетрадь (дѣл, по нумерации писца тетрадей), но это всего 7 листов. Не хватает соответствия листу 141, этот последний в рукописи подклеен к обороту л. 143. На утраченном листе находилось завершение чтения на Литургии в Великий Четверг и начальные стихи 1-го страстного Евангелия².

Основной текст (т. е. текст Евангелия-апракос) был переписан семью писцами; восьмой писец выполнил заглавия чтений, девятый (первый по времени?) переписал вкладную запись 1001 г. Еще одним, более поздним по отношению ко времени переписывания рукописи, почерком была сделана запись 1441 г. о вкладе данной рукописи в Виленский храм.

I. Первый почерк: лл. 1в – 15г 4.

II. Второй почерк: лл. 15г 5 – 25а 8 (завершение 2-й тетради, 3-я тетрадь и начало 4-й) и 105а – 106б (начало 14-й тетради).

III. Третий почерк: лл. 25а 9 – 32г, т. е. практически вся 4-я тетрадь³, исключая восемь начальных строк.

IV. Четвертый почерк: лл. 33а – 56г (5-я, 6-я и 7-я тетради), 106в – 130в (14-я⁴, 15-я, 16-я и 17-я тетради), 154а – 188б (21, 21-я, 23-я, 24-я и 25-я тетради).

V. Пятый почерк: лл. 57а – 64г (8-я тетрадь).

VI. Шестой почерк: лл. 65а – 80г (9-я и 10-я тетради), 97а – 104г (13-я тетрадь), 131а – 153 г (18-я, 19-я и 20-я тетради).

---

¹ В «Сводном каталоге» этот почерк оценивается как западнорусский полуустав XV в. (с. 330), но эта характеристика делает эти записи моложе, по крайней мере, на один век.

² Ср. л. 143г завершается отрывком из Мф. XXVI: 69, а л. 144а начинается отрывком из Ин. 14: 12.

³ Именно четвертая тетрадь характеризуется обилием пропущенных инициальных буквиц. Так на л. 28в мастер только начал рисовать буквицу «Р», но по каким-то причинам не закончил, и на всех последующих листах этой тетради, кроме л. 32об., завершающего тетрадь, места, оставленные основным писцом для инициалов, пустуют. На л. 32г выведена буквица «Р».

⁴ Исключая начальные 6 столбцов, переписанных вторым писцом (см. выше).

VII. Седьмой почерк: лл. 81а – 96г (11-я и 12-я тетради).

VIII. Восьмой почерк: заглавия чтений, включая киноварные буквы.

Этот вид работы выполнен или наименее внимательным писцом, или (к чему я склоняюсь) писцом, который был поставлен в очень жесткие временные рамки и вынужден был действовать на свой страх и риск, не обращаясь к соответствующим листам протографа, который был, очевидно, в работе у основных писцов рукописи. Полагаю, что именно этим обстоятельством объясняются многочисленные случаи путаницы Евангелистов в заглавиях чтений.

IX. Девятый почерк: 188в–г (воспроизведенная запись с оригинала 1001 г.).

Перенос этой записи скорее всего не был случайным, не возник он и благодаря порыву мастера, возглавившего работу над рукописью, но был выполнен по желанию заказчика. Можно допустить, что оригинал 1001 г. был в ветхом состоянии и понадобилась современная копия, «рабочая», т. е. для использования ее в повседневном богослужении. Но здесь возникает вопрос, насколько необходимо было в этом случае переносить исходную вкладную запись? Если и мог здесь появиться перенос записи, то он был бы отражением случая, прихоти писца. Однако факт переписывания особым писцом, большим мастером, которому удалось, скорее всего, передать и графические особенности оригинала (даже по сравнению с первым почерком данный почерк выглядит весьма архаично), исключает это. Логично предположить, что заказчик хотел получить список именно с этой рукописи, поскольку именно она была важна (дорога, памятна и т.д.) для него. Напрашивается мысль о (младшем) княжиче, отбывающем из родного Друцка и увозящем с собой не просто память о семье, родных, но важнейшее свидетельство династических связей, очень древних.

Характер работы писцов, общее состояние почерков свидетельствуют о том, что работа по переписыванию должна была выполнена в сжатые сроки, особенно торопились писцы, когда переписывали месяцеслов. Это обстоятельство является чрезвычайно важным для исследования месяцеслова Друцкого Евангелия, ибо даёт все основания полагать, что месяцеслов в этой рукописи древний, без изменений перенесённый из протографа 1001 г.!

Но вместе с тем рукопись «выписана» достаточно тщательно, она украшена буквицами, хотя поспешность выполнения работы, вытекающая из анализа почерков последних тетрадей, пропуск киноварных заголовков в середине 4-й тетради, весьма многочисленные ошибки в опре-

делении Евангелистов, заставляет предполагать срочность если не всего заказа, то его завершения.

Есть свидетельства того, что писцы (во всяком случае, часть из них) работали одновременно. Так, например, 17-я тетрадь вместо обычных восьми содержит всего два листа. Явно, что писец заканчивал свою работу (данный его «отрезок» работы включает с 14-й по 17-ю тетради) к тому времени, когда следующий отрезок работы уже был начат следующим писцом, ср.: л. 130в содержит только пять строк, а остальное место на листе осталось свободным.

Всего в рукописи 25 тетрадей. Большая часть этих тетрадей состоит из восьми листов, исключением являются 17-я, 19-я и 25-я. В 19-й тетради, как было сказано выше, утрачен один лист, а 25-я, последняя, тетрадь содержит всего три листа.

Особого замечания требует количество строк в тетрадах. В этом отношении рукопись можно разделить на две части.

Первую часть составляют тетради 1–20, где достаточно стабильно каждый столбец состоит из 27 строк. Исключение составляет 17-я тетрадь (28 строк), но она, как уже было сказано, возникла в качестве дополнительной, поскольку свой отрезок работы писец не смог вместить в три тетради;

Все остальные тетради — это вторая часть рукописи. Так, в 21-й тетради 28 строк; в 22-й тетради от 25 до 28 строк¹ (в этой тетради строки параллельных столбцов одной страницы часто находятся на смещенных уровнях, что свидетельствует об отсутствии разлиновки листов, которая действительно не просматривается); в 23-й тетради 27 строк; в 24-й тетради 26 строк, исключая лл. с 180 по 183об., на которых по 25 строк.

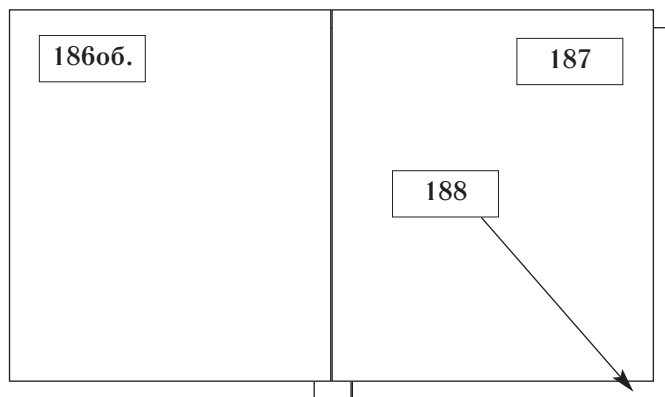
В последней, 25-й тетради, содержащей всего три листа, на лл. 186–188 завершается текст Евангелия (л. 188об. содержит две записи). Евангельский текст здесь, как и в предыдущих тетрадах, располагается на двух столбцах, но, во-первых, они шире, чем столбцы в предшествующих тетрадах; во-вторых, строк здесь 31 в отличие от 25–26 на предшествующих листах (24-я тетрадь). При этом писец не только явно торопился (об этом свидетельствует поспешность в начертании букв), но он был вынужден разместить оставшийся евангельский текст в шести столбцах (лл. 186а – 188б), поскольку л. 188об. скорее всего к этому времени был уже

---

¹ Лл. 162 и 162об. — 26 строк, лл. 163 и 163об. — 28, л. 164а — 26, л. 164б — 25 (на последней строке помещен киноварный заголовок, занимающий собственно две строки), л. 164об. — 26, с л. 165 по л. 167об. — 25, с л. 168 по л. 169об. — 26 строк. При этом высота столбцов и в 28, и в 26 строк практически одна и та же.

заполнен перенесенной записью писца протографа Дрц. В противном случае запись могла просто продолжить текст Евангелия и писец в последней тетради (лл. 186–188) не стал бы увеличивать количество строк с 26 до 31.

Лл. 186об. и 187 составляют середину тетради, л. 188об. не имеет своего соответствия, он слева подогнут к л. 186 (как это показано на рисунке):

Евангельского текста данной тетради было недостаточно для того, чтобы разместить на 10-ти столбцах, поэтому писец предпочел не использовать (обрезать) лист, соответствующий на сгибе листу 188 и ужать текст за счет расширения столбцов и увеличения их количества на листе и в соответствии с количеством строк в перенесенной записи писца протографа Дрц на л. 188в.

Есть, на мой взгляд, еще одно свидетельство более раннего (по сравнению с переписанным текстом данной тетради) выполнения записи о вкладе Евангелия в 1001 г. В столбцах 25-й тетради 31 строка (исключая л. 186в, где 30 строк), тогда как в предыдущих тетрадях количество строк не превышает 28. Писец 25-й тетради, заканчивавший переписывание месяцеслова и тем самым завершающий все Евангелие, вынужден был подстроить свою работу под то, что уже было, а был лист с перенесенной древней записью и в котором (л. 188в) была 31 строка. Этим, на мой взгляд, объясняется то, что четвертый писец, выполнивший в том числе и предшествующую тетрадь, столбцы которой содержат 25–26 строк, вынужден был «переключиться» на другое количество строк.

Анализ диалектных особенностей всех писцов, переписывавших текст Евангелий, обнаруживает новгородское происхождение рукописи.

Касается это, разумеется, прежде всего фонетики, но и факты морфологии подтверждают это.

Друцкое Евангелие представляет собой исключительный интерес для изучения истории формирования (если учесть вероятные связи этой рукописи с ее протографом конца X — самого начала XI в., о чем можно будет с уверенностью говорить лишь после специального исследования) и бытования Евангелия у славян и истории церковнославянского извода русского языка. Исследование состава евангельских чтений и языка рукописи способно пролить свет на многие проблемы истории языка древнерусской письменности, на взаимоотношения разговорной и книжной его форм.

После фундаментальных исследований Л.П.Жуковской стало уже очевидно, что лингвистический анализ славянских списков Евангелия не может обойтись без исследования состава чтений, включенных в рукопись, и без обращения к аналогичным источникам. В нашем случае — это анализ состава евангельских чтений на те или иные праздники церковного календаря и поиск типологических соответствий среди известных науке списков полноапракосного Евангелия. Анализ повторяющихся чтений (отдельные евангельские отрывки в рукописи представлены несколько раз — на разные праздники) имеет важное значение как для истории формирования славянского текста Евангелия, так и для истории лексической системы русского языка в книжно-письменной (церковнославянской) форме его существования. Так, до сих пор не решенным является вопрос о взаимоотношении тетра с полным апракосом и полного апракоса с кратким.

Что касается проблемы соотношения церковнославянского языка и разговорной формы русского языка, то она остается одной из центральных в истории русского литературного языка и может быть решена путем анализа культурно-языковой ориентации писцов сохранившихся рукописей (прежде всего, имеется в виду анализ лексико-фонетических, лексико-морфологических и собственно морфологических вариантов). Наконец, непременной частью лингвистического исследования каждой рукописи является установление диалектных особенностей ее писцов. Помимо введения в научный оборот новых фактов, это поможет установить место создания рукописи.

Что касается состава чтений Друцкого Евангелия, то некоторые особенности этой рукописи хорошо видны при сравнении с составом чтений такой полноапракосной рукописи, как Мстиславово Евангелие XI—XII вв.

Так, в ряде заголовков чтений 5-й седмицы по Пасхе в Друцком Евангелии произошел сбой наименований. Киноварные заголовки заполнились писцом уже после того, как основной текст был помещен на листы рукописи. Писец ошибочно указал на л. 14г **вѣторникъ .ѣ. не^а**. вместо **среда**; на л. 15б оказалось **въ сред .ѣ. не^а**, тогда как это чтение четверга; на л. 15г находим непонятное **вѣт| .ѣ. не^а**. Там, где должна быть отмечена суббота, буквы не читаются — они смыты, а на л. 16в строка, предназначенная для киноварного заголовка, оставлена чистой. Далее соответствие заголовков чтений их назначению восстановлено.

Во вторник и среду 7-й седмицы по Пасхе в Мстиславовом Евангелии находим соответственно чтения Ин. 16:2–13 и Ин. 16:15–23. В Друцком Евангелии эти чтения поменялись местами: на «**вѣторникъ .ѣ. не^а**» помещен отрывок Ин. 16:15–23, а чтение Ин. 16:2–13 — «**въ сред .ѣ. не^а**».

Седмица, начинающаяся Пятидесятницей, в Мстиславовом Евангелии («неделя 50») заканчивается пятком, следующая далее суббота озаглавлена уже как суббота 1-й недели (седмицы) по Пятидесятнице. Соответственно следующая, 2-я седмица начинается 2-й субботой. В Друцком Евангелии седмица по Троице именуется 8-й неделей и заканчивается в пяток, далее так же, как и в Мстиславовом Евангелии, идет суббота 1-я по Пятидесятнице (**сѣ .ѣ. по пятн^т**, см. л. 27а). Но тот же заголовок «**сѣ .ѣ.**» (л. 29а) имеет и следующий субботний день, так что 2-я седмица по Пятидесятнице начинается с недели (воскресенья) и представлена только этим, воскресным, чтением, ибо далее идет уже понедельник 3-й седмицы по Пятидесятнице (в Мстиславовом Евангелии это — понедельник 2-й седмицы по Пятидесятнице). В результате нумерация дней недели в чтениях от Пятидесятницы до Нового лета в Мстиславовом и Друцком Евангелии различается, хотя общее количество седмиц одно и то же — семнадцать. При этом в Мстиславовом Евангелии седмица начинается субботой и завершается пятком, а в Друцком — начинается понедельником и заканчивается неделей (воскресеньем). Нумерация седмиц Нового лета совпадает.

Из отличий, бросающихся в глаза при первичном сравнении, в составе чтений данных двух рукописей еще отмечу отсутствие в Друцком Евангелии чтений на 1-й, 3-й, 6-й и 9-й час в Великий Пяток: после 12-го Страстного Евангелия здесь сразу же идет чтение на Литургии в Великий Пяток.

Безусловно, анализ состава чтений в Друцком Евангелии должен стать предметом специального исследования, он может дать очень интересные факты, связанные с историей формирования евангельских чтений.

Приступая к исследованию одного из списков древнего памятника, имеющего давнюю традицию филологического анализа, исследователь обязан учесть эту традицию и «вписать» данный список в наличествующее информационное поле. В данном случае это учет результатов прежде всего двух фундаментальных исследований славянской рукописной традиции Евангелия. Первая связана с именем и трудами Л. П. Жуковской¹, вторая — с попыткой издания сводного древнего церковнославянского текста Евангелия², подобного критическим изданиям греческого и латинского текстов³.

Издатели сводного церковнославянского текста Евангелия выделяют прежде всего Древний и Преславский тексты, последний из которых датируется X в. и характеризуется лексической редактурой. Лексические различия этих текстов в издании под редакцией А. А. Алексеева представлены материалом отрывка Ин. 13: 31—18: 1. В таблице, помещенной ниже, в каждой строке даны, во-первых, лексические разночтения между Древним и Преславским текстами⁴ (эта информация помещена в верхней строке второго столбца); во-вторых, соответствия Друцкого Евангелия (Дрц) с указанием назначения чтения.

Ин. 15: 1, 5	ЛОЗА — ВИНОГРАДЪ Дрц: ЛОЗА 144в, г (1-е Стр. Ев.), т.ж. 21г (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15: 2	ИЗМЕТЪ ИЖ — ПОГЪЧЕТЪ СЪ, ПОГЪКАЕТЪ СЪ: Дрц: ИЗМЕТЪ Ю 144г (1-е Стр. Ев.), ИЗЪМЩЕТИЪ Ю 21г (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15: 1, 5	ЛОЗА — ВИНОГРАДЪ Дрц: ЛОЗА 144в, г (1-е Стр. Ев.), т.ж. 21г (пн. 7 по Пасхе)

¹ Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. — М., 1968; Она же. Текстология и язык древнейших славянских памятников. — М., 1976.

² См.: Евангелие от Иоанна в славянской традиции. — СПб., 1998. (Изд. под рук. д-ра филол. наук А. А. Алексеева).

³ См.: *Nestle—Aland. Novum Testamentum Graece et Latine*. 3 Auflage. 1994.

⁴ Первая лексема представляет Древний текст по одному из древнейших списков — Мариинскому Евангелию. Ср. примечание издателей: «Характерные преславские чтения могут являться частью либо 1-го Страстного Евангелия, либо соответствующих перикоп, читаемых в период от Пасхи до Пятидесятницы» (См.: Евангелие от Иоанна в славянской традиции. — СПб., 1998, с. 10).

Ин. 15:5	рождне — лозне: Дрц: рожгык 144г (1-е Стр. Ев.), рождне 21г (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15:5	схтворитъ — съ схтворитъ: Дрц: схтворити 144г (1-е Стр. Ев.), схтворитъ 21г (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15:6	исхшетъ — исххнетъ¹: Дрц: исхшетъ 144г (1-е Стр. Ев.), исхшетъ 21г (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15:6	взлагажтъ — взмещжтъ: Дрц: влагажтъ 144г (1-е Стр. Ев.), влагажтъ 21г (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15:7	емоуже колнждо — кгоже аще: Дрц: кмуже колнждо 144г (1-е Стр. Ев.), кмуже колнждо 22а (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 15:10	вх него любзье — кмоу вх любзьи: Дрц: в любзи кго 145а (1-е Стр. Ев.)
Ин. 15:26	параклитъ — оутѣшитель: Дрц: параклитъ 145в (1-е Стр. Ев.)
Ин. 16:4	помнаате — помнитѣ²: Дрц: помнитѣ 145г (1-е Стр. Ев.), помнинатѣ 22в (ср. 7 по Пасхе)
Ин. 16:11	осжденъ бытъ — осжди (осждитъ) съ, осжденъ бждетъ: Дрц: осуженъ бы 145г (1-е Стр. Ев.), т.ж. 22в (ср. 7 по Пасхе)
Ин. 16:12	носити — понесити, подхати: Дрц: носити 145г–146а (1-е Стр. Ев.), т.ж. 22в (ср. 7 по Пасхе)
Ин. 16:13	грядущаа — приходущаа: Дрц: грядущаа 146а (1-е Стр. Ев.)
Ин. 16:15	всѣ моѣ сътъ — все моѣ кетъ: Дрц: всѣ ... моѣ сътъ 144г (1-е Стр. Ев.), т.ж. 22а (пн. 7 по Пасхе)
Ин. 16:15	радн — дѣла: Дрц: радн 146а (1-е Стр. Ев.), т.ж. 22а (вт. 7 по Пасхе)
Ин. 16:15	отъца — доб. мокого: Дрц: оу оца мокого 146в (1-е Стр. Ев.), оу оца 22в (вт. 7 по Пасхе)
Ин. 16:19	схтѣзаетѣ съ — пытактѣ, свхспрашактѣ съ: Дрц: схтѣзаетѣ съ 146б (1-е Стр. Ев.), схтѣзаетѣ съ 22б (пн. 7 по Пасхе)

¹ Но эта же лексема и в таких списках древнего текста, как Ассеманиево Евангелие и Мирославово Евангелие.

² Эта же лексема в Мирославоном Евангелии и Саввиной книге (в обоих случаях в перикопах), представляющих Древний текст.

Ин. 16:29	НИКОМЪЖЕ — НИКДИННОМЪЖЕ¹: Дрц: НИКОМЪ ЖЕ 146в (1-е Стр. Ев.), т.ж. 23а (чт. 7 по Пасхе)
Ин. 16:30	ИШЕЛЪ — ПРИШЕЛЪ: Дрц: ИШЕЛЪ 146г (1-е Стр. Ев.), ИШЕЛЪ 23а (чт. 7 по Пасхе)
Ин. 17:12	ПОГЫБѢЛЬНЫ — ПОГЫБѢЛИ²: Дрц: ПОГЫБѢЛЬНЫ 147б (1-е Стр. Ев.), ПОГЫБѢЛЬНЫ 21б-в (нед. 7 по Пасхе)
Ин. 17:12	КЪНИГЫ — ПИСАНИК: Дрц: КЪНИГЫ 147б (1-е Стр. Ев.), т.ж. 21в (нед. 7 по Пасхе)
Ин. 17:13	ГРЪДЪЖ — ИДЪЖ: Дрц: ГРЪДЪ 147б (1-е Стр. Ев.), т.ж. 21в (нед. 7 по Пасхе)
Ин. 17:19	СВЪЩЕНИ — ОСВЪЩЕНИ: Дрц: СЪЩИ 147б (1-е Стр. Ев.), т.ж. 23б (пт. 7 по Пасхе)
Ин. 17:20	МОЛЪЖ ТЪЖМО — МОЛЪЖ ТЪЖНЫ, КДИНѢХЪЖ МОЛЪЖ: Дрц: МОЛЮ ТОЧНО 147б (1-е Стр. Ев.), МОЛЮ ТОЖМО 23б (пт. 7 по Пасхе)
Ин. 18:1	ВЪЖТЪЖ — ОГРЪДЪЖ: Дрц: ВЕРТОГРЪДЪЖ 147г (1-е Стр. Ев.)

Как видим, Друцкое Евангелие весьма последовательно передает Древний текст. В издании сводного церковнославянского текста Евангелия от Иоанна обращено внимание также на то, что среди списков полного апракоса XII—XIII вв. можно выделить две группы рукописей, каждая из которых имеет специфические чтения среды 1-й недели по Пятидесятнице. Ниже эти различия указаны в таблице.

Мирославово Евангелие	Добрилово Евангелие, Юрьевское Евангелие, Мстиславово Евангелие и нек. др.	Друцкое Евангелие
ИМАТЕ ВЪНИТИ ΕΙΣΕΛΘΗΤΕ речено бысть, ἐρρέθη	ИМАТЕ ВЪЛѢСТИ рече сѧ	ИМАТЕ ВЛѢСТИ 26а речно 26а
ДРЕВѢНИМЪ ТОΙΣ ΑΡΧΑΙΟΙΣ	ПРЪВЫМЪЖ	ПЕРВЫМЪЖ 26а
СЪНМНИЩЮ ТΩ ΣΥΝΕΔΡΙΩ	СЪБОРОУ	СВОРУ 26а
ВНЕ ΜΩΡΕ	ОУРОДЕ	ОУРОДЕ 26а
ἮΕΟΝΤΕ ΕΙΣ ΤΗΝ ΥΕΕΙΝΑΝ ΤΟΥ ΠΥΡΟΣ	РОДОУ ОГННОУ	ЕЗЕРОУ ОГННОУ 26а

¹ Эта же лексема в Архангельском Евангелии и Зографском Евангелии.

² Эта же лексема в Архангельском Евангелии и Саввиной книге.

къ ол҃тарю ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον	къ трѣбѣннику	къ трѣбнику 26а
нѣчто на те ти ката σοῦ	что до тебе	что до тебе 26а-б
супрѣмь твомь τῷ ἀντιδίκῳ σου	сжпърникъмь свомь	суперникомъ свомъ 26б
аминь аминь ѿмѣн	право	право 26б
кодратъ кодрѣтити	цагъж	чагъ 26б

В 1-м, 5-м, 6-м, 9-м и 11-м случаях Вуканово Евангелие содержит то же чтение, что Добрилово Евангелие и под. «За пределами отмеченных разночтений текст в обеих группах совпадает, а это значит, что обе они восходят к одному источнику. Различает их редакция преславского происхождения, что хорошо видно по характеру лексических замен»¹. Из приведенной таблицы видно, что Друцкое Евангелие практически последовательно (исключение составляет 2-й пример) отражает результаты той же правки.

Материалы Друцкого Евангелия очень важны для лингвотекстологического исследования списков полноапракосных типов Евангелия. Особенностью полного апракоса является наличие повторяющихся чтений: одни и те же евангельские отрывки читаются на Литургии на разные церковные праздники. Изучение этой особенности данных рукописей связано с двумя проблемами.

Первая связана с формированием славянского Евангельского текста и ответами на вопросы, как переводилось Евангелие Славянскими Просветителями — тетром или апракосом (и каким — кратким или полным) — и какие попытки позднего перевода предпринимались в дальнейшем.

Вторая проблема — собственно лингвистическая, она связана с установлением лексических разночтений и в качестве одной из конечных задач имеет выявление списка синонимов и вариантов, появление которых вызвано разным временем, разными славянскими языками (диалектами), разной традицией.

В качестве примера возьмем чтение Мф. 24 : 42–43, которое в Друцком Евангелии встречается трижды. В Мстиславовом Евангелии, кроме этих соответствий, находим еще один раз — 30 сентября (см. Мст.,

¹ Евангелие от Иоанна в славянской традиции.— СПб., 1998. (Изд. под рук. д-ра филол. наук А.А.Алексеева), с. 24.

л. 170в). Так же, как и в Мстиславовом, в Друцком Евангелии чтение на пятницу, которое характерно именно для полного апракоса, и чтение на субботу, которое принято считать краткоапракосным, оказываются очень близкими друг другу. Чтение же на Литургии вторника Страстной седмицы выделяется¹. Если сравнить представленные в Друцком Евангелии чтения с чтениями из Мстиславова Евангелия, то очевидно, что Друцкое Евангелие продолжает Мстиславово Евангелие, различия в них незначительны, но они есть.

Прежде всего это вставка **не вѣстѣ дни ни часа** в чтение вт. Велк. Лит. (этой вставки нет в Мст.).

Общим у Дрц и Мст. являются следующие разночтения:

- **то же вѣдите — се же вѣдите,**
- наличие несогласованного определения к слову **господинъ** в чтении на вт. Велк. Лит.: **гнъ храма** в Мст. — **гнъ храмннзи** в Дрц;
- лексическое разночтение **кѣтъ** в двух чтениях по Пятидесятнице — **храмъ** в чтении на Литургии вторника Страстной седмицы.

Важным лексическим различием Мст. и Дрц является верное чтение с **татъ** в Мф. 24:43 не только во вторник Великой седмицы, как это имеет место в Мст. (в двух других чтениях там **гъ**), но и в чтениях 11-й пятницы и 16-й субботы по Пятидесятнице, ср. в синодальном издании: **вз къю стражѹ татъ придегъ.**

Пт. 11 по Пнд. 51в-г	Суб. 16 по Пнд. 65б	Вт. Велк. лит. 136а-б
(42) вѣдите оубо яко не вѣстѣ в кнн час гъ вашъ придегъ. (43) то же видите яко аще бы вѣдалъ гнъ в къю стражѹ татъ придегъ. бдѣлаз оубо бы и не бы оставилаз подзкопати кѣтъи свокия.	(42) вѣдите оубо яко не вѣстѣ в кын ча' гъ вашъ придегъ. (43) то же видите яко аще бы вѣдалъ гнъ в къю стражю татъ придегъ бдѣлаз бы оубо и не бы оставилаз под- копати кѣтъи свокия.	(42) вѣдите оубо яко не вѣстѣ дни ни часа вз кын ча' гъ вашъ придегъ (43) се же вѣдите яко аще бы вѣдалъ гнъ храмнны в къю стражю татъ придегъ. бдѣлаз оубо бы и не бы не оставилаз подзкоповати храма своокго

¹ Как отмечает Л. П. Жуковская, чтение на Литургии Страстной седмицы является, вероятно, первичным (ср. разночтение **татъ** — **господинъ**) (см.: Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников..., с. 132). Чтение на 30 сентября в Мст. отличается и от чтения вторника Страстной седмицы, и от чтения на пятницу и субботу соответствующих недель по Пятидесятнице.

Отношение Дрц к Мст. видится следующим образом. Дрц наследует общие черты с Мст., но восходит к той семье списков, которые содержат исходное чтение Мф. 24 : 43 со словом **г҃аг҃ь** в пятницу и субботу по Пятидесятнице. Характерной особенностью Дрц (и списков этой группы?) является вставка **не вѣстѣ дни ни часа** в чтение вторника Великой седмицы на Литургии.

В целом отмечу, что рукопись Друцкого Евангелия представляет исключительный интерес для истории текста полного апракоса у славян и истории церковнославянского языка. Несмотря на то, что славянский апракос, в отличие от греческого лекционария, прочно вошел в научную традицию¹, история формирования апракосных текстов (и их отношение к славянскому тетру) до сих пор остается изученной крайне слабо. Трудями Л. П. Жуковской заложен прочный фундамент для данного рода исследований, но можно только сожалеть, что в палеославистике осталось мало последователей этого выдающегося ученого (работа петербургских ученых, ведущаяся под руководством профессора А. А. Алексеева, вряд ли может быть отнесена сюда, ибо авторы исходят из особой концепции развития славянского новозаветного текста). На мой взгляд, высказанные Л. П. Жуковской идеи относительно объема перевода святыми Кириллом и Мефодием Евангельского текста, классификации списков славянского Евангелия X—XVI вв., взаимоотношения апракоса с другими типами Евангелия и т. п. не утратили своего значения, и эта работа требует своего продолжения, но уже на материале конкретных списков церковнославянского Евангелия.

В целом, я вижу следующие задачи, которые встают перед исследователем Друцкого Евангелия в ближайшее время:

- 1) определить состав евангельских чтений рукописи для решения ближайшей задачи выявления места рукописи в кругу аналогичных и в перспективе решения вопроса о происхождении полноапракосного текста у славян и связи его с тетром; выявить повторяющиеся чтения;
- 2) исследовать повторяющиеся чтения с целью выявления их первичности — вторичности относительно начального перевода (в том его виде, какой это позволяет сделать современное состояние славистики) и относительно чтения на соответствующий праздник;

---

¹ О незначительной роли греческих лекционариев в текстологическом анализе Нового Завета см.: *Мецгер Б.М.* Текстология Нового Завета. — М., 1996, с. 31.

- 3) дать классификацию лексических и грамматических различий и определить причины их появления¹;
- 4) выявить культурно-языковую ориентацию писцов рукописи и их диалектную принадлежность: первое имеет своей целью определение места рукописи на языковой «оси» *народно-литературное — церковнославянское*²; второе призвано установить место создания рукописи.

Основным методом, который может быть использован в исследовании, является лингвотекстологический, предложенный Л. П. Жуковской и получивший специальную разработку в исследовании Минейного Торжественника по спискам XIV—XVI вв.³ Он позволяет дать типологическую характеристику списков одного памятника, установить текстологические особенности исследуемого списка (Дрц) и выявить динамику развития текста и соответственного языка. В последнем случае речь может идти о развитии языка как памятника (если иметь в виду существование памятника в виде разных списков), так и отдельного списка (если иметь в виду наличие повторяющихся чтений и внесение писцами рукописи изменений в текст).

Методологически важным для исследования являются, во-первых, оценка церковнославянского языка как одного из языков-консервантов и как одной из форм существования русского (литературного) языка; во-вторых, утверждение, что использование лингвотекстологического метода позволяет говорить о развитии не только языка индивидуума

---

¹ См.: *Панин Л.Г.* Лексика церковнославянской гомилетики (о причинах появления лексических различий в списках Минейного Торжественника) // *Христианство и церковь в России феодального периода (материалы)*. — Новосибирск, 1989.

² Противопоставление церковнославянского языка древнерусскому народно-литературному (в терминологии акад. В. В. Виноградова) должно приниматься как условное. Свою точку зрения о месте церковнославянского языка в истории русского я высказывал в следующих статьях: *Панин Л.Г.* О церковнославянском языке // *Русская лексика в историческом развитии: Сб. науч. тр.* — Новосибирск, 1988; *Он же.* А. С. Пушкин и церковнославянский язык // *Сибирская пушкинистика сегодня: Сб. науч. статей.* — Новосибирск, 2000; *Он же.* О языках-консервантах (к постановке проблемы) // *Проблемы сохранения вербальной и невербальной традиции этносов.* — Кемерово, 2003.

³ См.: *Панин Л.Г.* Минейный Торжественник в истории русского литературного языка (лингвотекстологическое исследование списков XIV—XVI вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1991.

(ср. известное утверждение И.А. Бодуэна де Куртенэ¹), но и языка памятника и далее — языка народа.

То заключение, которое можно сделать на основе анализа повторяющихся чтений Евангелия от Иоанна в изучаемой рукописи, будет, безусловно, предварительным, но уже сейчас видно следующее. Друцкое Евангелие дает примеры явных связей с Древним текстом, одни из которых проявляются в чтениях по Пасхе, другие — в чтениях Великого поста, Страстной седмицы. Имея в виду тот факт, что писцов Друцкого Евангелия было несколько и работали они (по крайней мере некоторые из них) одновременно, вероятным будет предположение о наличии по крайней мере двух оригиналов, с которыми работали писцы (правда, этот тезис ни в коем случае нельзя принимать в качестве безусловного, ибо предполагаемое ветхое состояние протографа вполне могло мотивировать одновременную работу писцов с *одной* исходной рукописью).

Для дальнейшего анализа перспективным представляется изучение возможных близких связей данной рукописи с такими, как Евангелие из собрания Гильфердинга (РНБ), Юрьевское Евангелие и Архангельское Евангелие.

Анализ Мф. 25 обнаружил следующее². В целом Древний текст в Друцком Евангелии не претерпел значительной редактуры. Если иметь в виду те стихи данной главы, которые представлены во всех чтениях, то становится очевидным, что редакторская правка касалась прежде всего архаических грамматических форм. Более существенным оказывается изменение Древнего текста в чтении 17-й субботы по Пятидесятнице в Друцком Евангелии, т. е. именно в том чтении, которое отсутствовало в краткоапракосной части Архангельского Евангелия 1092 г. Исследование «текстологической разницы» в словарном составе и грамматических формах чтений обнаруживает типологическую близость Друцкого и Мстиславова Евангелий. Правда, в большинстве случаев эта близость основана на том, что оба чтения содержат одну и ту же лексему или одну и ту же форму, хотя здесь и представлены примеры, когда одно из чтений содержит вторичный вариант. В целом, видимо, можно считать, что чтение Литургии в Великий четверг в большей степени отражает близость к Древнему тексту.

---

¹ *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. Т. I, с. 203–221.

² См.: *Панин Л.Г.* К анализу повторяющихся чтений в Друцком Евангелии (на материале Мф. 25) // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* — Новосибирск, 2005.

И последнее, что хотелось бы мне затронуть в данной статье, это — в каком виде должен быть опубликован текст Друцкого Евангелия.

После выхода издания славянского Евангелия от Иоанна под ред. профессора А. А. Алексева и, главное, после выявленных им этапов редакторской работы со славянским (в том числе и со славяно-русским) переводом мне представляется необходимым обязательное обращение к Древнему тексту. Этот Древний текст в названном издании представлен Мариинским Евангелием, а также Типографским Евангелием (там, где у Мариинского не сохранились листы). Издание Друцкого Евангелия должно содержать сведения о разночтениях с Древним текстом, и, как мне кажется, этот принцип хорошо было бы применить и при издании других текстов¹.

Равным образом, видимо, пришло время на деле показать, что славянская (славяно-русская) традиция Евангелия — это часть традиции Евангелия, доминантой которой является греческий текст. При издании конкретного славяно-русского списка Евангелия это означает обращение к критическому изданию греческого текста и тем свидетельствам о разночтениях в греческой традиции, которые приведены в 27-м издании Nestle—Aland «Novum Testamentum graece» (Stuttgart, 1993). Вопрос об использовании греческого текста при издании славянского (славяно-русского) Евангелия — тема особого разговора. Здесь же я бы хотел обратить внимание на тот принцип использования греческого текста, который предполагаю осуществить при издании Друцкого Евангелия. «Точкой отсчета» издания является не греческий текст, что было бы логичным при подготовке сводного греческого текста (и разночтений к нему) Евангелия (независимо от языка их исполнения), но текст Друцкого Евангелия в сопоставлении с Древним текстом, следовательно, обращение к греческим источникам мотивировано только в тех случаях, когда между Друцким Евангелием и Древним текстом есть разночтения.

---

¹ В качестве учебной в рамках спецсеминара на кафедре древних языков НГУ подобная работа ведется студентами с текстами Саввиной книги, Остромирова Евангелия, Архангельского Евангелия, Мстиславова Евангелия и Евангелия № 5 из собрания Троице-Сергиевой Лавры. Текст первых четырех рукописей исследуется по соответствующим изданиям, а текст Евангелия № 5 — по электронной версии.